люцию и проанализировать его основные тен- денции.

Литература

1. Шмелева, Т.В. Портретирование как исследовательская стратегия / Т.В. Шмелёва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : novsu.ru>npe/files…portrait…portreirovanie.html.

2. Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале г. Пензы): монография / Под ред. Г.И. Канакиной.– Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2011. – 240 с.

Канакина, Г.И. Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале г. Пензы): моногр. / Г.И. Канакина, И.Г. Родионова, Л.Б. Гурьянова, М.Г. Луннова; под ред. Г.И. Канакиной.–2-ое изд., перераб. и доп. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 280 с.

3. Памяти великой гимнастки – в Пензе появится новая улица! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htt :/tv-express.ru /news_info/17922.

4. В Пензе появились улицы Мясникова и Ревунова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: penzainform. ru > Новости >Общество>2016/04/29/v-penze

5. Прохоренков: В Пензе уже есть улица Селиверстова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: penza-press.ru>…novostey…penze…ulica-seliverstova.

6. Только по-русски. В Пензе снимут вывески с иностранными названиями [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://smartnews.ru/regions/penza/13353.html.

7. В Пензе молодые художники разрисовали в стиле граффити забор психбольницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://penza.rfn.ru/rnews.html?id=5669.

8. Руки в краске. Зачем граффити-райтеры разрисовали в Пензе все стены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: penza-press.ru>…novostey…graffiti-v-penze-vse.

9. Незаконные граффити наносят значительный урон чистоте Пензы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tv-express.ru/news_info/13693/.

10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://streetart-ekb.livejournal.com/2011/01/30/.

УДК 811.161.2’373.2-112

ЛОЖЬ И ОБМАН ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале памятников письменности украинского языка XVI–XVIII вв.)

В. В. Денисюк
(Умань, Украина)

Памятники письменности свидетельствуют о том, что украинский язык XVI–XVIII вв. имел значительный запас фразеологии для репрезентации различных аспектов обмана. Украинские книжники использовали такие фразеологические единицы не только для номинации обмана, но и для отображения его социальной оценки. Семантическим центром большинства анализируемых фразеологизмов являются лексемы для обозначения органов человека.

Ключевые слова: памятники письменности, украинский язык XVI–XVIII вв., фразеологизм, фразеологическая единица, семантическая структура, стиль.

The manuscripts of the past show that the Ukrainian language of 16th–18th centuries had many phraseology means for representing various aspects of deception. The lexical units denoting human organs can be treated as semantic centre of most idiomatic expressions having been analyzed. The Ukrainian book writers could consider words with figurative meaning in their semantic structure as lexical units of deception too. The analyzed idiomatic expressions are original vocabulary, foreign book idioms or those with changed attributive or verbal components were rarely presented.

Key words: manuscripts of the past, the Ukrainian language of 16th–18th centuries, an idiomatic expression, semantic structure, style.

Как свидетельствует история развития человечества, – и настоящее не исключение, – нет такой сферы человеческой деятельности, где бы ни было обмана. Человек XXI века воспринимает обман как обычное явление, отчасти даже нормальное и нормативное, которое становится полезным для преодоления временных трудностей (избежать наказания, расширить круг знакомых, пропиарить себя или свою организацию / фирму и др.). Д. И. Дубровский, раскрывая феномен лжи, отмечает: «Ложь проникла во все сферы человеческого бытия, человеческий мир не только создает для лжи беспристрастные возможности, но и имеет ложь одним из своих начал, нет такого вида социальной деятельности, где бы ни встречался обман» [3, с. 22]. Учитывая это, можно смело утверждать, что обман является неотъемлемым

атрибутом жизни человека, приспосабливаясь, как и он, к тем или иным условиям. Для лингвиста – это клондайк для исследований, поскольку именно здесь можно наблюдать вовлечение лексических единиц разных тематических групп в номинативные процессы.

Обман – категория комплексная, поэтому и имеет различные виды и формы проявления (вербальное распространение заведомо ложной информации; поступки, действия, которые привели к неправильному восприятию действительности и др.), обозначаемые в языке или одним, или различными лексико-фразеологическими средствами. В научной литературе можно встретить различные термины, в определениях которых отражены различные аспекты обмана – заблуждение, обман, ложь, мошенничество, афера и др. Однако все дефиниции объединяет то, что это обязательно умышленное действие, которое может происходить разными способами и методами, а человек, который это делает, должен сам понимать, что его поступки или слова не соответствуют истине.

В украинском языкознании вербальной репрезентации обмана посвящен ряд исследований Л. А. Билоконенко [1], А. И. Морозовой [4], А. И. Потаповой [5; 6], М. В. Юревич [7], однако внимание сосредоточено на современном этапе развития языка. В нашей статье проанализируем фразеологические единицы украинского языка XVI–XVIII вв., вербализирующие различные виды и формы обмана. Отметим, что часть фразеологизмов этой группы нами уже исследована [2].

Памятники письменности свидетельствуют о том, что украинский язык имел значительный словарный запас народной фразеологии, которая обогатила собой все стили литературного языка. Цель использования фразеологических единиц – не номинировать явление действительности, а дать ему оценку с точки зрения языкового коллектива. Так, образ лжеца, представленный во фразеологических единицах украинского языка XVI–XVIII вв., отмечен отрицательными чертами и включает в себя осуждение любых действий, связанных с обманом, ложью. Обращает на себя внимание и то, что образованные устойчивые словосочетания расположены по оси «предоставления / получения ложной информации»: «последствия получения ложной информации», ядром которых в большинстве случаев становятся соматизмы.

Для исследуемого периода немаловажным фактом является появление Пересопницкого евангелия, которое дало толчок к повторному обращению и толкованию библейских канонов. Украинские книжники пытались сделать максимально понятными для обычного читателя / слушателя важнейшие истины, правила жизни, закодированные в десяти заповедях. Обращают на себя внимание контексты с Пересопницкого евангелия и «Требника» П. Могилы, которые демонстрируют конкуренцию исконного и заимствованного компонентов, напр.: *… і҃с рекль є҆моу. не забїи. прелюбы не дѣлаи. не оукра(д).* ***лживе не свѣдчи*** (ПЄ, с. 175); *вѣдає(ш) заповѣди …* ***лживє нє свѣ(д)чи*** (ПЄ, с. 293); *Противкѡ девѧтогѡ … тыи грѣшатъ которые* ***фалшиве свѣдчатъ****, на ближнѧгѡ, и вдаютсѧ в небезпеченстви душѣ, албѡ тѣла длѧ марногѡ зыску* (Мог., Требник, с. 819).

Другой известный религиозный и общественный деятель XVII в. И. Галятовский в проповеди приводит воображаемый диалог между Богом и злым духом, где репликами служат заповеди, одна из которых утверждает, что врать – тяжкий грех: *Бг҃ъ мовитъ до чл҃вка:* ***«Не будешъ иныхъ богѡвъ мѣти, развѣ мене»****. А злый дх҃ъ кажетъ иншыхъ богѡвъ чл҃вковѣ мѣти и самъ богѡ(м) называєтъсѧ … Бг҃ъ мовитъ до чл҃ка:* ***не крадь****. А злый дхъ мовитъ: крадь. Бг҃ъ мовитъ:* ***не забїѧй****. А злый дх҃ъ мовитъ: забїѧй. Бгъ мовитъ:* ***не свѣдчъ фалшиве.*** *А злый духъ мовитъ: свѣдчъ фалшиве. Бг҃ъ не кажетъ присѧгати несправедливе и мовитъ:* ***«Не взывай имени гд҃а бг҃а твоєгѡ в(ъ)сує»****. А злый духъ мовитъ: «Взывай имѧ гд҃а бг҃а твоєгѡ в(ъ)сує. Бг҃ъ мовитъ:* ***«Чти ѡ(т)ца твоєгѡ и матерь»****. А злый духъ мовитъ: «Не чти ѡ(т)ца твоєгѡ и матере». Бг҃ъ мовитъ:* ***«Шануй днь ст҃ый»****. А злый дух(ъ) мовитъ: «Не шануй днѧ ст҃огѡ»* (Галят., Ключ, с. 96). В «Грехах разнообразных» И. Галятовский вновь обращается к этому сюжету и показывает, что люди не придерживаются десяти заповедей Божьих.

На проблеме лжи акцентируют внимание и средневековые поэты. Например, Климентий Зиновиев, осуждая лживость, называет словосочетанием *свѣдители ложные* / *свѣдетели неправдивые* лиц, виновных в этом грехе:

Ѡ свѣдѝтєлєхъ нєправдѝвы(х): звлаѝща пу(д)сѹ́лы при(и)мѹ́юч(и)х: и ло(ж)но свѣдѣтє(л)ствующи(х)

Свѣдѝтєли ло(ж)ныє *тоѓ́ε собѣ зна(и)тє:*
хочъ маѓ́ло на су(д) бж҃и(и) ко(г)даѓ̀ вспамята(и)тє.
Жє то васъ за нєправду будє(т) бг҃ъ судѝти:
и паѓ́мя(т) вш҃ѹ̀ з(ъ) свѣта можє(т) скорєнѝти.
Роѓ́ди(т) бо ва(м) нєправда тѣлєсную згибѐ(л):
и дш҃ѐвну наноси(т) вто(ж) ва(м) жє погибє(л).
Прєтоѓ̀ и мздыѓ̀ за тоѓ́ собѣ нє при(и)му(и)тє:
да по справє(д)ливости ю(ж) свѣдѣтє(л)ству(и)тє (Зінов., Вірші, с. 92).

В тех случаях, когда лживость становится привычной формой поведения, она выступает

характеристической чертой личности. Для наименования такого человека в памятниках письменности фиксируем фразеологическую единицу *языкъ лживый / языкъ клеветливый*: – *Я сама то знаю, Вірна бить желаю, Что серцю твоєму, Ізвісно моєму, Как вірить вам, Розсуди сам. Хоч живу беззлатна, Однако ж опасна. І* ***языки лживі*** *І* ***клеветливі*** *В той час обнесуть І обої понесуть Обоїх нас* (УЛ[18], с. 102).

Активно пользуется фразеологическими единицами для обозначения обмана и А. Радивиловский. Так, в проповеди, посвященной П. Могиле, проповедник не прибегает к использованию принятых устойчивых языковых единиц, а, привлекая заимствованную лексику, создает новое метафоричное выражение: *Вырыгнѹлъ кто ѩкій ѩдъ з геретиковъ ѡ вѣрѣ на ѡвечокъ Могилѧнскїхъ,* ***пѹстил*** *кто* ***стрѣлы фалшивыхъ аркгѹментов*** *хотѧчи разити на Дш҃ѣ Могилѧнское стадо неразилъ; бо зоставало за Могилою* (Рад., Могила, с. 2). Основным репрезентантом обмана здесь выступает атрибутив *фалшивыхъ*. Именно он придает выражению категорически негативной оценки. Другие параметры обмана (скорость распространения, степень восприятия информации различными реципиентами) проповедник передает с помощью лексемы *стрѣла*.

Обращает на себя внимание и то, что обман может приобретать и положительную коннотацию. Например, А. Радивиловский, обращаясь с речью к воинам, которые отправлялись на войну с турками и татарами, учит их военным хитростям и приводит пример из древних войн, где полководец использовал обман как элемент военной стратегии. Для этого проповедник в контекст включает фразеологизм ***перепѹстити послѹхъ*** «распространять неправдивую информацию», напр.: *ѹносѧчи здорове пред вами ѹтечет [ворог]: ѩко некгдысь* ***перепѹстилъ*** *на великие войска Ассѵрійскіе подъ часъ ѡблежена Самарїи такій* ***послѹхъ****, ижъ здалоса имъ ѩкъ бы великое войско Їи҃чикѡвъ идетъ на помощъ, которого Ассѵрійчикѡве ѹлякшисѧ всегѡ ледво з дш҃ами, ѿбѣгли* (Рад., Слово, с. 49).

Грех в произведениях украинских книжников часто уподобляется сети. Активно комментируя библейские истины, авторы закрепляли в народном сознании обобщенную и конкретную семантику этого образа: грех – это сеть, ложь – это грех, значит ложь – это также сеть: *Але чем же вас, правовѣрныхъ, тою* ***сѣтию умотати не могл****?* (Виш., с. 76); *Аще бо при Христе своею прелестию апостола украдоша, блюдися и ты, папо, и зри добре,* ***не в их ли сеть увязл еси*** *и сего ради высокая мудрствуеши* (Виш., с. 79).

В деловых текстах Левобережной Украины фиксируем контекст с «вербальной» репрезентацией лжи, где эффект достигается антонимическим обрамлением, которое создают словосочетанию однокоренные имя прилагательное и имя существительное: *Степанецъ не тилко непоеднократне важится ему, пану сотникови,* ***безчестними словами безвинне на чест нагонять****, лечъ его жъ особливе ложнимъ, а нецнотливимъ своимъ уданемъ, у его милости пана полковника до гнѣву и неласки приводити* (ДНРМ, с. 38).

В исследуемых памятниках письменности засвидетельствованы и компаративные фразеологизмы, где глагол *брехати* благодаря сравнительному компоненту объясняется традиционным в украинской этнокультуре метафорическим образом собаки, которая, кроме положительных черт, символизирует и неразумного лжеца. Народное происхождение этих фразеологических единиц является основным аргументом их одинакового понимания и распространения на всей украинской территории, что демонстрируют рассматриваемые тексты, свидетельствующие как об использовании синонимов *собака* / *пес*, так и номенов для дифференциации пола (*собака* / *пес* – *сука*), напр.: *[Русин] А що то ти, жиде, що смеръдуху, гадаеш? Для чого ти так вѣру нашу зневажаеш? Росказуеш жи би-смо библѣю читали, А ви тальмутом еи всю пошалвѣровали, Оттим, що на руках го, як дуди, тримаеш, А* ***як собака брешеш****, коли го читаеш!* (Інтермедії, с. 155); *[Циганка] Уже ж бо я не змилю, як баба оттая, Що вона* ***брехала, як сука старая*** (Інтермедії, с. 167); *1 [-й Мужик] Я ж кажу, що ти скрутиш, що тобѣ без працѣ? Нащо ж було наперед* ***брехать, як собацѣ****?* (Інтермедії, с. 201); *[Жид]* ***Бресесь*** *ты,* ***як собака****, я-то старовѣр!* (Інтермедії, с. 207); *Христос народився, ба, правда, воскрес! Не дивуйте, панство, що-м* ***збрехав, як пес*** (УЛ[18], с. 137).

Итак, образ человека, совершившего ложь или обман, широко представлен во фразеологии украинского языка исследуемого периода, что обусловлено отношением тогдашнего общества к этим негативным явлениям, что демонстрируют тексты разной стилевой принадлежности.

Условные обозначения

Виш. – Вишенський І. Твори / Іван Вишенський ; підг. тексту І. П. Єрьоміна. – Київ : Держ. вид-во. худ. літ-ри, 1959. – С. 41–246.

Галят., Ключ – Галятовський І. Ключ розуміння / підг. до вид. І. П. Чепіги. – Київ : Наук. думка, 1985. – С. 53–211.

ДНРМ – Ділова народно-розмовна мова XVIII ст. : (матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України) / підг. до вид. В. А. Передрієнко. – Київ : Наук. думка, 1976. – 416 с.

Зінов., Вірші – Зіновіїв К. Вірші. Приповісті посполиті / К. Зіновіїв ; підгот. до вид. І. П. Чепіга. – Київ : Наук. думка, 1971. – С. 31–309.

Інтермедії – Українські інтермедії XVII–XVIII ст. / АН УРСР ; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка ; вступ. стаття і відп. ред. М. К. Гудзія, підгот. тексту Л. Є. Махновця. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1960. – 239 с.

Мог., Требник – Евхологіωнъ албо молитвословъ, или требникъ … повеленіє(м) ω(т)ца Петра Могилы. – Київ, 1646.

ПЄ – Пересопницьке Євангеліє 1556–1561 : Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик / НАН України, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, Інститут української мови, Український мовно-інформаційний фонд; підгот. І. П. Чепіга за участю Л. А. Гнатенко ; наук. ред. В. В. Німчук. – Київ : [б. в.], 2001. – 703 с.

Рад., Могила – Радивиловский А. Словω на погреб превелебнаго Г(с)на ω(т)ца Варнавы Лебедевича Игумена Межигорскагω // Марковскій М. Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка), съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ «Огородка» и «Вѣнца». – Київ, 1894. – С. 1–12.

Рад., Слово – Радивиловський А. Словω а͠–є͠ часу войны // Там же. – С. 37–70.

УЛ[18] – Українська література XVIII ст. Поетичні твори, драматичні твори, прозові твори. – Київ : Наук. думка, 1983. – 696 с.

Литература

1. Білоконенко, Л. А. Обман як вербальний конфліктоген (на матеріалі української та російської фразеології) / Л. А. Білоконенко // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. – 2015. – Вип. V. – С. 25–33.
2. Денисюк, В. В. Репрезентація парадигми обману у фразеології української мови XVI–XVIII ст. / В. В. Денисюк // Лінгвістичні дослідження : збірник наукових праць. Вип. 41. – Харків : Вид-во ХНПУ, 2016. – С. 110–116.
3. Дубровский, Д. И. Обман. Философско-психологический анализ / Д. И. Дубровский. – Москва : Изд-во РЭЙ, 1994. – 117 с.
4. Морозова, Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект : монография / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
5. Потапова, Е. И. Грамматические аспекты лексико-фразеологических номинаций искажения истины (когнитивный аспект) / Е. И. Потапова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 137–141.
6. Потапова, О. І. Лексико-семантична група викривлення істини (на матеріалі лексики англійської мови) / О. І. Потапова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 93–98.
7. Юревич, М. В. Феномен брехні та його інтерпретація у сучасних лінгвістичних дослідженнях / М. В. Юревич // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К., 2012. – Вип. 42, ч. 2. – С. 493–501.

УДК 81'373

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (на основе романа ДЖ. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»)

В.П. Дигадюк
(Мозырь, Беларусь)

В данной статье рассмотрены проблемы передачи английского молодежного сленга на русский язык на основе сопоставления оригинала романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» с переводом, сделанным Р.Я. Райт-Ковалевой. При анализе примеров использовались лексические трансформации, методы контекстного, семантического анализа, а также метод сопоставительного описания.

Ключевые слова: сопоставление, лексические трансформации, метод контекстного анализа, метод семантического анализа, метод сопоставительного описания.

In the following article, the problems of transmission of the English youth slang into Russian on the basis of comparison of the original novel "The catcher in the rye" by John. D. Salinger with the translation made by R. J. Wright-Kovaleva are discussed. The research used the methods of lexical transformation, contextual, semantic analysis, and the method of comparative description.